

## **ГРАММАТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ КОМПЛЕКСА ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАКОНА О РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

Создание грамматического справочника, обеспечивающего действие закона о русском языке, обусловлено отсутствием общедоступного источника, заключающего в себе как нормативные, так и научные сведения об употреблении грамматических форм и конструкций. Произошедшие за последнее время социальные изменения и отмена цензуры привели к тому, что публичный дискурс оказался перенасыщен образцами разговорной, вульгарной, жаргонной и попросту безграмотной речевой продукции. Лишь часть этих процессов можно связать с падением уровня и престижа образования. Основная причина создавшейся ситуации кроется в том, что доступ к широкой трибуне получили те слои населения, речь которых никогда не была безукоризненной. Это вызывает у обывателей и даже у некоторых специалистов паническое впечатление всеобщей безграмотности, которое лишь отчасти можно считать обоснованным. Специфика современного состояния состоит в том, что правильность речи больше не может регламентироваться сверху путем цензурных мероприятий, но должна воспитываться на добровольных началах. Улучшения ситуации можно добиться, если поднять престиж кодифицированной речи и обеспечить желающих говорить и писать правильно необходимым справочным материалом.

### **АНАЛИЗ СУЩЕСТВУЮЩИХ ГРАММАТИЧЕСКИХ ПОСОБИЙ И СПРАВОЧНИКОВ**

Необходимость в создании нового грамматического справочника в настоящее время диктуется не тем обстоятельством, что грамматическая система русского языка описана недостаточно: русская грамматика представляет собой одну из наиболее разработанных областей лингвистики. Проблема состоит в том, что существующие описания слишком многочисленны и различаются по качеству и направленности.

Само по себе обилие этих источников затрудняет выбор пользователя, а различия между ними усугубляют и без того нелегкую задачу поиска нужной информации.

### **Академические грамматики**

Все три академических грамматики русского языка были созданы с интервалом в 10–15 лет во второй половине XX в. (несколько десятилетий назад) и ориентированы на специалистов, в то время как носители языка должны были опираться на школьные знания или прибегать к помощи сокращенных и зачастую противоречивых справочников по орфографии и пунктуации. По объективным причинам, в академических грамматиках большое внимание уделяется дефиниции собственно лингвистических терминов и описанию понимаемых под этими терминами явлений. Эта важная задача расходуется с задачами справочного пособия.

Академические грамматики построены на формальных основаниях, в первую очередь, в соответствии с разделами языкознания, соответствующими традиционно выделяемым уровням языка (таким как фонетика, морфемика и словообразование, морфология, синтаксис). Наиболее полные академические грамматики (1960 и 1980 гг.) состоят из двух томов в соответствии с

указанными разделами. Грамматика 1970 г. представляет собой однотомник, и именно ее опыт указывает на то, что изложить все необходимые сведения в одном томе не представляется возможным. Ориентированный на пользователя справочник может состоять из двух томов, описывающих, соответственно, правила порождения устной и письменной речи. Одной из целей общедоступного описания должно быть преодоление уровневого строения грамматики, т. е. создание «грамматики говорящего» (см. ниже).

«Грамматика русского языка» под ред. акад. В. В. Виноградова опиралась на опыт описания русского языка предшествующего периода, в первую очередь, на книгу В. В. Виноградова «Русский язык. Грамматическое учение о слове» 1949 г. Хотя в этих книгах содержатся богатые сведения о грамматической системе русского языка, послужившие основой для всех последующих грамматик, они не могут в полной мере служить общедоступным справочником, т. к. имеют не нормативную, а описательную цель. Труды, написанные В. В. Виноградовым и изданные под его редакцией, содержат ценнейшую информацию об истории русского языкознания; их отличает глубокое знание лингвистической традиции, однако именно эта информация отяжеляет изложение и не приспособлена для нормативных целей. В качестве

иллюстраций в первой академической грамматике используются архаичные примеры из произведений писателей XIX в., и можно в целом сказать, что она отражает не современное состояние русского языка, а те вневременные его пласты, которые составляют основу языка и делают для нас понятным язык Пушкина. Однако, пользуясь только этими пластами языка, невозможно составить ни один современный письменный документ или подготовить устное выступление. Можно даже предположить, что архаичные примеры, кочующие из одного грамматического пособия в другое, были одной из причин отчужденно-иронического отношения к нормализаторской деятельности в области русского языка (ср. анализ этих тенденций в выступлении В. Г. Костомарова на III Международном Конгрессе исследователей-русистов в марте 2007 г.).

Принятые в 1956 г. «Правила русской орфографии и пунктуации» разрабатывались одновременно с первой академической грамматикой. Эти издания подготовили основу для последующих справочников, грамматик и пособий, но в настоящее время прибегать к ним нецелесообразно, т. к. более новые грамматические разработки содержат дополнения, не учтенные в указанных трудах. Первая академическая граммати-

ка является для заинтересованного читателя дополнительным источником сведений о русском языке, истории его изучения и функционирования, но эти сведения не могут быть первоочередной информацией, необходимой для широких слоев носителей языка.

«Грамматика современного русского литературного языка», изданная в 1970 г. под ред. Н. Ю. Шведовой, имела поисковый характер. Ее основными целями были структурное описание современного русского языка, насыщение грамматического материала современными примерами, анализ и отражение достижений лингвистического описания 1960-х гг. отчасти в противовес традиционному стилю предшествующих грамматик. В соответствии с этим, во второй академической грамматике описание перегружено научной терминологией, отчасти уже устаревшей в наши дни и неудобной для широкого читателя. Грамматика 1970 г. не содержит стилистических и нормативных ссылок и не претендует на полноту. Описание всей системы частей речи вместе с грамматическими категориями русского языка уместилось на 60 страницах, за которыми следует подробное структурное изложение типов словоизменения. Ориентация на формальные методы описания привела к тому, что семантические проблемы излага-

лись схематично и неловко. Так, у большинства форм косвенных падежей выделялись одни и те же значения (например, объектное, комплетивное, обстоятельственное и т. д.) в зависимости от синтаксической функции описываемой формы. Если одной из задач современного грамматического справочника является помощь в точной передаче мысли, то вторая академическая грамматика пригодна для этого в наименьшей степени. Эта книга сыграла существенную роль в формировании научных взглядов, но никак не может служить грамматическим справочником в настоящее время.

Последней по времени создания была «Русская грамматика» в двух томах (1980–1982). Эта грамматика является наиболее полной, современной, нормативно ориентированной и стилистически насыщенной. Однако, хотя «Русская грамматика» является уникальным собранием и научных, и нормативных материалов, данные в ней организованы по принципу «от формы к функции», что затрудняет использование материала неискушенными в грамматической терминологии носителями языка. Такой принцип подачи материала характеризуется как «грамматика слушающего», т. е. напоминает деятельность по расшифровке сообщения, а не по его созданию. Например, сведения о синонимических средствах

выражения качественной характеристики лица или предмета содержатся в разделах «Словообразование», «Морфология. Имя существительное», «Морфология. Имя прилагательное», «Морфология. Вид глагола», «Морфология. Наречие», «Лексика», «Синтаксис». Построить самостоятельный текст, учитывая сведения, содержащиеся во всех разделах, представляется затруднительным.

Несомненно, «Русская грамматика» 1980–1982 гг. может послужить основой общедоступного грамматического описания, однако такое описание невозможно без реструктуризации материала. После выхода в свет академической «Русской грамматики» появился целый ряд поисковых грамматических описаний функционального и коммуникативного направления, построенных на разных основаниях и дополняющих основные положения «Русской грамматики».

### **Поисковые (функциональные и коммуникативные) грамматики**

Одной из наиболее авторитетных серий данного направления можно считать выпуски «Теории функциональной грамматики» (ТФГ, 1987–1996), которые продолжают серией «Проблемы функциональной грамматики» (ПФГ, 2000–2005) под редакцией А. В. Бондарко. Эта серия

построена по принципу описания «от функции к средствам ее выражения», что имитирует речевую деятельность говорящего. Однако русский язык является основным, но не единственным объектом описания данной серии, поэтому ее использование также связано с реструктуризацией данных. Возможно построение функциональной грамматики русского языка на основе 10 уже изданных томов данной серии. Для того чтобы такое описание было доступно широкому кругу читателей, оно должно быть максимально освобождено от сложной и отчасти метафорической терминологии и значительно сокращено (общий объем трудов по функциональной грамматике превышает 200 п. л.).

Важные теоретические сведения о функциональном описании русского языка содержатся также в последних книгах А. В. Бондарко (2002, 2004, 2005). В первой из них на основе подробного изложения русской лингвистической традиции дается обоснование построения грамматики функционально-семантических полей (ФСП) и категориальных ситуаций, которое далее иллюстрируется описанием аспектуально-темпорального комплекса, категории персональности и субъектно-предикатно-объектных отношений. Во второй монографии большое внимание уделяется проблемам взаимодействия системы и среды,

т. е. проявлениям грамматических категорий русского языка в различных типах контекста. Третья книга содержит переработанное издание ранее вышедших монографий, которые посвящены теории морфологических категорий и описанию вида и времени русского глагола.

В этих книгах обоснован принцип описания «от функции к средствам выражения», сформулированы методы выделения семантических категорий, разграничены понятия внеязыкового смысла и языкового выражения (т. е. оригинально проводится идея стратификации семантики). Ни одна из этих книг не доступна пониманию среднего неподготовленного читателя, тем не менее, они составляют теоретическую базу для специалистов, желающих на этой основе построить общедоступное описание грамматической системы русского языка. Наибольшую проблему в использовании для этих целей книг Петербургской школы функциональной грамматики мы видим в том, что выделение функционально-семантических полей произведено на основе так называемой «естественной классификации». Иными словами, в системе ФСП отсутствует логическая соотносительность: так, некоторые поля выделены на основе грамматических категорий (аспектуальность на основе категории глагольного вида, тем-

поральность на основе категории времени и т. д., при этом некоторые грамматические категории не получают функционального развития, ср. например, отсутствие ФСП падежности). Другая группировка ФСП опирается на синтаксические основания (ср. субъектность/объектность, локативность, обусловленность). В третьем случае ФСП определяется на основе типа предиката (экзистенциальность, качественность, статальность и т. п.). Хотя естественные классификации являются единственным адекватным способом описания языковой системы, минус такого подхода заключается в том, что поиск нужных сведений для неспециалиста оказывается затруднен. Создание функциональной грамматики, ориентированной на широкий круг читателей, должно предполагать разработку доступной системы ориентировки читателя.

Важной составляющей ТФГ является понятие «категориальной ситуации», которая определяется как **типовая содержательная структура**, представляющая элементы данного поля в высказывании. В 1990-е годы многие работы, выполненные в этом направлении, содержали конкретное описание различных категориальных ситуаций. Представляется, что это понятие должно стать ключевым для создания новой практической функциональной грамматики, т.

к. требование компактности объема и доступности с необходимостью влечет ограничение языкового материала в направлении описания языковых клише.

Существующие опыты создания практических функциональных грамматик пока что не удовлетворяют поставленным задачам. Они ориентированы в первую очередь на преподавание русского языка иностранцам и не содержат исчерпывающего описания. Так, «Функциональная грамматика русского языка» Т. В. Парменовой (Мюнхен, 2000), построенная на основе «Теории функциональной грамматики», может быть признана неудачным опытом, т. к. представляет собой, по сути дела, набор семантических заданий, сгруппированных на основе функциональных категорий русского языка.

Альтернативное устройство имеет «Функциональная грамматика русского языка» М. А. Шелякина (Шелякин, 2001), более органично дополняющая серию ТФГ. Эта книга может быть рекомендована как наиболее удачный образец. К ее достоинствам следует отнести компактность (в отличие от ТФГ и ПФГ, материал представлен в одном томе), и то обстоятельство, что материал, представленный в ней, может быть использован как носителями языка, так и иностранцами, изучающими русский язык как неродной. Вместе с тем, заявленная

в названии «функциональность» обеспечивается только тем, что в «Функциональной грамматике...» Шелякина большое внимание уделяется семантическим функциям языковых форм. Книга имеет в целом традиционную направленность: описание материала осуществляется в направлении «от средств выражения к функциям», а не наоборот. Иными словами, это более новое, ориентированное на широкий круг читателей формальное описание грамматической системы русского языка с позиции слушающего. К удачно разработанным разделам, которые могут быть использованы в дальнейшем анализе, следует отнести разработку функционирования возвратных глаголов, способов действия (об этом см. также (Шелякин, 1983)), категории предельности. Разработку этих тем необходимо учитывать в дальнейшем описании.

Противоположный исходно семантический подход представлен в «Коммуникативной грамматике русского языка Г. А. Золотовой, Н. К. Онипенко и М. Ю. Сидоровой. Эта книга продолжает и развивает концепцию Г. А. Золотовой, заявленную в предшествующих работах (Золотова, 1973; Золотова, 1982; Золотова, 1988/2001). Следовало бы говорить не о «семантичности», а о «синтаксичности» данного подхода, т. к. в нем за исходную единицу описания приняты, по

сути дела, прототипические синтаксические роли элементарных минимальных отрезков высказывания — синтаксем. Так, понятие семантического субъекта разрабатывается на основе традиционного описания подлежащего, к которому примыкают и другие способы выражения носителя предикативного признака (например, дательный падеж в безличных предложениях). Сознательный отказ Г. А. Золотовой от идеи стратификации семантики приводит к тому, что в ее работах направление исследования выражается нечетко. Описание то опирается на формальные показатели (ср. описание функций инфинитива), то на семантические (а на самом деле — синтаксические) основания. В языковом описании Г. А. Золотовой есть немало фундаментально разработанных тем. Например, в нем представлена подробная семантическая классификация глаголов (Золотова, 1982: 156–168; Золотова, Онипенко, Сидорова, 1998), разработана концепция изосемического употребления частей речи, уделяется большое внимание коммуникативной структуре связного текста.

Исключительно полезным для создания «грамматики говорящего» является понятие коммуникативного речевого регистра, разработанное указанными авторами. Действительно, выбор языковых средств осуществляется в зави-

симости от поставленной задачи. Новаторский подход авторов «Коммуникативной грамматики...» представляет собой первый, описательный этап разработки теории коммуникативных регистров.

Явным недостатком книг Г. А. Золотовой нужно признать то, что они перегружены терминологией, овладение которой требует профессиональных навыков. Например, предложение «Динамо» играет со «Спартак» классифицируется как «интерсубъектное действие с обязательным указанием соучастника и факультативным делибератом или обозначением цели» (Золотова и др., 1998: 107). Понятно, что носители языка, не имеющие лингвистического образования, не смогут оценить тонких и удачных наблюдений авторов книги, написанной специальным языком. Формулировка рекомендательных положений потребует переработки собранной информации и вычленения тех сведений, которые могли бы стать составной частью «грамматики говорящего».

В противоположность концепции Г. А. Золотовой, функциональные описания М. В. Всеволодовой (Всеволодова, 1975; Всеволодова, 1988; Всеволодова, 1995; Всеволодова, 2002; Всеволодова, Владимирский, 1982; Всеволодова, Яценко, 1988) отличаются простотой и традиционностью изложения. Это

объясняется тем, что модель М. В. Всеволодовой разрабатывалась первоначально для нужд практического преподавания русского языка как иностранного. Как видно из предшествующего изложения, функционально-коммуникативные грамматики по-разному решают проблему классификации материала. Если отойти от традиционного формального основания грамматики, то выбор единицы описания определит и полноту охвата материала, и его отбор (ср. набор ФСП в теории А. В. Бондарко, множественные основания описания Г. А. Золотовой, исходно-формальный подход М. А. Шелякина). М. В. Всеволодова рассматривает в качестве основной единицы типовую ситуацию (ср. «категориальную ситуацию» в концепции А. В. Бондарко, «положение дел» у А. Мустайоки). Однако действительно подробное описание языковых явлений осуществлено лишь в ранних книгах М. В. Всеволодовой (1975, 1982, 1988), посвященных временным, пространственным и причинно-следственным отношениям. Они и должны быть использованы в дальнейших попытках функционального описания.

В последующих работах М. В. Всеволодовой дана самостоятельная разработка типологии предикатов (25 типов) и типов актантов. Построение типологии влечет за собой усложнение тер-



минологического аппарата и схематизацию описаний, ср. понятия *эксизиенса, адресанта, донатора, номинатора, функцива, релянта, элементива* и т. д. для описания различных типов актантов. Такого неправомерного употребления самостоятельно изобретенных или узко специальных терминов следует избежать. Для этого необходимо ввести минимальную стратификацию семантики, привлечь в неявной форме аппарат уровневого описания языка.

В концепциях Г. А. Золотовой и М. В. Всеволодовой уровневое деление присутствует в неявном виде, т.к. они направлены на описание вершинного синтаксического уровня языка. В противоположность этому, в модели «Смысл—Текст» И. А. Мельчука, разработанной им при участии большого круга единомышленников (Мельчук, 1974/1999, 1995) основой концепции является стратификация, состоящая из пяти уровней: семантического, уровней глубинного и поверхностного синтаксиса и глубинной и поверхностной морфологии. Основной замысел состоит в создании правил перевода некоторых смысловых отрезков в языковую форму. Известно, что формальный аппарат модели перегружен: формализованное представление каждой конструкции гораздо более громоздко и непонятно, чем сами примеры, ср.: *X сообщает Y-ку, что P* описывается как

«X эксплицитно каузирует, что Y знает, что P». Элемент формализации, возможно, необходим для автоматического переводчика или, как нам представляется, казался необходимым в 1970-е гг. На современном этапе значительно важнее, не усложняя аппарата описания, перейти к покрытию возможно более полного процента текстов разной степени специализации.

Несомненным преимуществом модели «Смысл—Текст» по сравнению со всеми перечисленными моделями является то обстоятельство, что она послужила основой для многочисленных действующих переводчиков системы «Этап». Однако известно также, что эти переводчики хорошо работают в рамках ограниченного подъязыка, лучше всего — на материале технических текстов. Это заставляет подумать о том, что в данной модели лучше всего представлены не типичные, наиболее частотные, а обезличенные, т. е. лишенные эмоционально-стилистической и модальной окраски высказывания. Ограничение языкового материала ради компактности и доступности справочника должно быть основано на выделении и приоритетном описании типического и изоляции редкого, уникального. Таковую задачу на современном этапе можно решить с помощью мониторинга Национального корпуса русского языка.

Исходно синтаксическую направленность, однако, на новом, более современном уровне разработки проблемы, имеет грамматическое описание А. Мустайоки (2006). Ядерная семантическая структура определяется им как сочетание глубинного предиката и соединенных с ним актантов. На эту структуру накладываются различные типы модификаторов, такие как речевая функция, фаза и гипотетичность, каузация, авторизация и др. Понятно, что система модификаторов в значительной степени отяжеляет аппарат описания. Однако классификация ядерных семантических структур заслуживает внимания. К ним А. Мустайоки относит следующие: 1) физическое действие, деятельность, 2) передвижение и локация, 3) социальное действие, деятельность, 4) интеллектуальная деятельность, 5) существование, 6) обладание, 7) эмоции, 8) физиологическое состояние, 9) физическое состояние, 10) состояние окружающей среды, 11) характеристика, 12) идентификация, классификация. Достоинство данного представления ядерных семантических структур заключается в полноте охвата языковых явлений, непротиворечивости, едином семантическом основании, общедоступности обозначений. Представляется, что это деление можно использовать для описания типовых высказываний русского языка. Если

дополнить данную систему общими принципами создания текста и насытить описание языковым материалом, то на основе данной системы можно составить непротиворечивую грамматику говорящего.

Осмысление концепции А. Мустайоки потребует времени. Изложим прежде всего первоначальные впечатления. Ядерные структуры иллюстрируются искусственными примерами, многие из которых, будучи грамматически правильными, интуитивно останавливают внимание (ср. *Нина ударила по лицу своего партнера по игре, Нина вертела точильное колесо, Бабушка сидит на качелях, Ивановы уехали на остров на лето*). Непривычность ситуаций в данных примерах контрастирует с академическим способом их выражения. Такие примеры, конечно, не вызывают недоверия к общей концепции («мы так не говорим»), но указывают на то, что в ней есть неучтенные моменты. К этим моментам следует отнести отсутствие ассоциативного и частотного компонента. Говорение на родном языке предполагает практически одновременное возникновение и осуществление замысла сообщения. Это невозможно без автоматизации и использования клишированных конструкций. Не случайно многие современные системы распознавания речи сознательно отказываются от синтаксического опи-

сания языковых явлений в пользу изучения частотной сочетаемости слов в языковых корпусах (Aimer, Altenberg, 1991).

В отечественной лингвистике заслуживает внимания в связи с этим разработка описания системы языка на основе ассоциативно-вербальной сети, осуществляемая Ю. Н. Карауловым. Первоначально модель Караулова опиралась на ассоциативные связи между словами, выясняемые в ходе экспериментов (Караулов, 1993). В дальнейшем был разработан соответствующий аппарат грамматического описания (Караулов, 1999). Представляется, что описание ассоциативных рядов представляет значительно больший интерес, чем разработанное Ю. Н. Карауловым и растиражированное понятие «языковой личности» (1993). Проблема ассоциаций лежит в области интенционального использования языка. Ее необходимо учитывать при решении задачи порождения текста без участия человека (автоматический перевод, порождение речи компьютерными устройствами). Создание грамматического справочника требует учета бессознательных механизмов порождения речи, но не опоры на них. Учет данных механизмов состоит в описании минимального набора клише и ассоциаций и в предостережении от нежелательных (ошибочных или «заезженных») оборотов речи.

### Примеры нерешенных вопросов

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что появляющиеся в последнее время работы по русскому языку содержат мало новых сведений об описании самой системы, их новизна заключается в тех интерпретациях, которые авторы дают противоречивым, с точки зрения лингвистической теории, объектам. Сами же объекты не содержат в себе противоречия, не укладываясь в прокрустово ложе лингвистической теории. Примером грамматических дискуссий последних десятилетий могут служить правила употребления кратких и полных форм прилагательных, использование генитива отрицания, вечные вопросы употребления видовых форм. Рассмотрим вкратце указанные проблемы.

**Употребление кратких и полных форм прилагательных.** Как известно, качественные прилагательные в русском языке могут употребляться в предикативной позиции в краткой или в полной форме. Наблюдения за разговорной речью свидетельствуют, что краткие формы имен прилагательных исчезают из узуса, что косвенно свидетельствует о недостаточной компетенции носителей языка в этой области. Попытки специалистов выяснить правила употребления этих форм не увенчались успехом. Большинство наиболее

авторитетных грамматик сходится во мнении, что краткие формы приспособлены к тому, чтобы выражать временный признак, а полные формы характеризуют более длительное или постоянное свойство предмета или явления. Излюбленным примером в таком случае является противопоставление *болна — больная*, которое в действительности следует считать лексикализированным (подобно примерам *узка — узкая, мала — маленькая, велика — большая* и т. д.) (Русская грамматика). Известно, однако, что другие примеры не подчиняются этому семантическому правилу, ср. *Она стройна и высока, всегда надменна и сурова* (А. Блок).

Другое семантическое объяснение, предложенное в работе (ТФГ, 1996), состоит в том, что полные формы прилагательных содержат скрытое сравнение с прототипическим гиперонимом, например, *Она стройная* имплицитно включает семантический элемент 'по сравнению с другими девушками', в то время как *она стройна* не маркировано по отношению к такому возможному сравнению. Такое объяснение возможно, но неприменимо в качестве руководящего правила, т. к. операциональная проверка этой гипотезы не разработана.

М. Гиро-Вебер (ТФГ, 1996) предлагает диахроническое объяснение системы употребления кратких и полных форм, которое

также невозможно сформулировать в виде доступного носителям языка правила. Приходится признать правоту Д. Николс, заключающей свою книгу о формах именных предикатов в русском языке выводом о принципиальной невозможности формулировки рекомендательных правил выбора формы именной части сказуемого. В таких случаях можно сформулировать лишь тендентивные правила выбора на основе мониторинга речевого употребления.

#### **ФИКСАЦИЯ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ОЦЕНКА ГРАММАТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ ЯЗЫКА**

Основные принципы фиксации грамматических вариантов нормы русского языка были заложены в книге Л. К. Граудиной, В. А. Ицкович и Л. П. Кетлинской «Грамматическая правильность русской речи».

#### **Список литературы**

- Бондарко А. В.* Теория значения в системе функциональной грамматики. М.: Языки славянских культур, 2002.
- Бондарко А. В.* Теория морфологических категорий и аспектологические исследования. М.: Языки славянских культур, 2005.

- Всеволодова М. В.* Способы выражения временных отношений в современном русском языке. М.: Изд-во МГУ, 1975.
- Всеволодова М. В.* Основания практической функционально-коммуникативной грамматики русского языка / Языковая системность при коммуникативном обучении. М.: Русский язык, 1988.
- Всеволодова М. В.* Практикум по курсу «Функционально-коммуникативный синтаксис». М.: ИПО Лев Толстой, 1995.
- Всеволодова М. В., Владимирский Е. Ю.* Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. М.: Русский язык, 1982.
- Всеволодова М. В., Яценко Т. А.* Причинно-следственные отношения в современном русском языке. М.: Русский язык, 1988.
- Всеволодова М. В.* Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка. М.: Изд-во МГУ, 2002.
- Грамматика русского языка / Под ред. В. В. Виноградова, Е. С. Истриной, С. Г. Бархударова. В 2-х т. М.: Наука, Т. 1. 1952, Т. 2 1954, 2-е изд. 1960.
- Грамматика современного русского литературного языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Наука, 1970.
- Граудина Л. К., Ицкович В. А., Кетлинская Л. П.* Грамматическая правильность русской речи. М.: Наука, 1976.
- Елисеева М. Б., Ковалевская Е. Г.* Универсальный справочник по орфографии и пунктуации. Со словарями и тестами. СПб.: Паритет, 2006.
- Золотова Г. А.* Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Наука, 1973.
- Золотова Г. А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука, 1982.
- Золотова Г. А.* Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М.: Наука, 1988; М.: Эдиториал УРСС, 2001.
- Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Изд-во МГУ, 1998.
- Касаткин Л. Л., Клобуков Е. В., Лекант П. А.* Краткий справочник по русскому языку. М.: Высшая школа, 1991.
- Караулов Ю. Н.* Ассоциативная грамматика русского языка. М., Русский язык, 1993.
- Караулов Ю. Н.* Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М.: ИРЯ РАН, 1999.
- Мельчук И. А.* Опыт теории лингвистических моделей «Смысл—Текст». М: Наука 1974; М., Языки русской культуры, 1999.
- Мельчук И. А.* Русский язык в модели «Смысл—Текст». М.; Вена, 1995.
- Мустайоки А.* Теория функционального синтаксиса: От се-

- мантических структур к языковым средствам. М.: Языки славянской культуры, 2006.
- Парменова Т. В.* Функциональная грамматика русского языка. Мюнхен, 2000.
- Русская грамматика / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. В 2-х т. М.: Наука, 1980.
- Соловьев Н. В.* Орфографический словарь: Комментарий. Правила. СПб., 2003.
- Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / Отв. ред. А. В. Бондарко. Л.: Наука, 1987.
- Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность / Отв. ред. А. В. Бондарко. Л.: Наука, 1990.
- Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость / Отв. ред. А. В. Бондарко. СПб.: Наука, 1991.
- Теория функциональной грамматики. Субъективность. Объективность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность/неопределенность / Отв. ред. А. В. Бондарко. СПб.: Наука, 1992.
- Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность. Компаративность / Отв. ред. А. В. Бондарко. СПб.: Наука, 1996а.
- Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность / Отв. ред. А. В. Бондарко. СПб.: Наука, 1996б
- Межкатегориальные связи в грамматике / Отв. ред. А. В. Бондарко. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996с.
- Шелякин М. А.* Категория вида и способы действия русского глагола: Теоретические основы. Таллинн: Валгус, 1983.
- Шелякин М. А.* Функциональная грамматика русского языка. М., Русский язык. 2001.
- English corpus linguistics: studies in Honour of Jan Svartvik / Aijmer K., Altenberg B. (eds.). NY: Longman Inc., 1991.
- J. Nickols. Predicate Nominals: a Partial Surface Syntax of Russian. University of California Publications. Linguistics. Volume 97. University of California Press. Berkeley-Los Angeles; London, 1981.